

УДК 821.161.1(470.47)
ББК 83.3(2=643),43

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ КАЛМЫЦКОГО ПИСАТЕЛЯ-ЭМИГРАНТА С. БАЛЫКОВА

Делгир Юрьевна Топалова

Кандидат филологических наук,
научный сотрудник научной библиотеки им. Алексеевой П.А. и архива,
Калмыцкий научный центр Российской академии наук
delya.top@yandex.ru
358000, г. Элиста, ул. Илишкина, 8

Аннотация. В статье рассматривается литературное творчество талантливого писателя Санжи Балыкова (1894–1943), сформировавшегося как творческая личность в эмиграции. Возвращенное наследие талантливого писателя доказывает возможность сохранения национальной идентичности в условиях инонациональной среды. Несмотря на то, что все его произведения были написаны в эмиграции, их отличает глубинная национальная природа. Герои Балыкова, несмотря на социальные катаклизмы и перемены, сохраняют неразрывную связь с национальной историей, традициями и обычаями, нравственными устоями предков, сформировавшимися веками.

Ключевые слова: калмыцкая эмиграция, литература, творчество С. Балыкова, национальное самосознание, духовная связь, память, традиции.

Творчество писателя калмыцкого зарубежья Санжи Басановича Балыкова (1894–1943), поразительно многогранной личности, подлинного мастера слова, вызывает особые чувства у читающей публики. Еще недавно практически неизвестный широким кругам, он открыл новую, неизведанную страницу в калмыцкой литературе. В связи с идеологическими концептуальными рамками, нацеленными осудить «эмигрантское охвостье» [3, с. 3], имя писателя, казалось, было навсегда вычеркнуто из духовного наследия калмыцкой культуры. Первые работы, содержавшие ценнейший материал о творчестве автора, появились в 1990-е гг.: одна из глав кандидатской диссертации Б.А. Бичеева, посвященная наследию калмыцкой эмиграции [4], а также монография Р.А. Джамбиновой «Роман и автор. Новые грани художественности» [5], в кото-

рой творчеству писателя С. Балыкова посвящена отдельная глава. В 1993 г. была издана историко-бытовая повесть С. Балыкова «Девичья честь» [1]. В настоящее время его богатое литературное и публицистическое наследие остается малоисследованным. Особую признательность следует выразить Е.С. Ремилевой, настоящему почитателю и ценителю творчества калмыцкого писателя-эмигранта С. Балыкова, за возвращение ему на родину произведений этого автора. С особой кропотливостью, буквально по отдельным страницам она собирает его наследие. Совместно с сотрудниками Мемориал-музея «Донские казаки в борьбе с большевиками» (г. Подольск) была выпущена серия книг: «Заламджа» (2013), «Сильнее власти» (2014), которые с особой радостью и благодарностью были встречены калмыцкими читателями.

С.Б. Балыков родился 2 марта 1894 г. в Задонской степи Сальского округа Области войска Донского в семье Ними и Басана Балыковых, у которых было 9 детей. По свидетельству С. Балыкова, донские калмыки, находясь в замкнутой среде, меньше всего были подвержены русификации. Живя в Задонской степи, мальчик впитал традиции и обычаи калмыцкого народа, познакомился с его фольклором. Свои тонкие наблюдения, связанные с этнографическими реалиями, бытом, народными воззрениями и национальной психологией, он затем воплотил в произведениях, которые знакомят новые поколения читателей с нравственным опытом калмыцкого народа, его мудростью и самобытной культурой.

Отец будущего писателя был потомственным табунщиком. Много лет он состоял на службе у донского генерала Митрофанова, который со временем продал свое хозяйство крестьянину Супрунову. Так, семья Балыковых оказалась вдали от своего родного хутора, в Западном участке войскового коннозаводства Сальского округа Супрунова в Задонской степи, где Санжи жил до тринадцати лет. В 1909 г. он поступил в четырехклассное городское высшее училище в станице Великокняжеской (урочище Каре-Чаплак, калмыцкое название «Чапрак», ныне город Пролетарск Ростовской области) – центре Сальского округа Области войска Донского. Осенью 1913 г. Санжи Балыков успешно сдал экзамен на звание народного учителя в Великокняжеском реальном училище и стал преподавать в хуторе Чирвкю (ныне станица Тацинская Ростовской области). С осени 1916 г. он работал учителем родного языка и основ буддизма в хуторе Атаманский Денисовской станицы. Его преподавательская деятельность была прервана в тот год историческими событиями, связанными с Первой мировой войной. В связи с понесенными большими потерями в офицерском составе в первые месяцы боев русской армии было необходимо пополнение, с этого времени начиналась военная служба Санжи Балыкова.

В августе 1917 г. будущий писатель поступил в Новочеркасское казачье военное училище. В многочисленных боях с большевиками С. Балыков участвовал в составе 76-го Донского полка. В ходе столкнове-

ния под селом Гнедой Аксай (Ростовская область) в октябре 1918 г. он получил ранение, а вернувшись на службу, был произведен в первый офицерский чин хорунжего. В конце того же года С. Балыков прибыл в Зюнгарский полк. С этого времени, вплоть до 1920 г., он был связан с этой частью Добровольческой армии. Осенью 1919 г. став адъютантом командира Зюнгарского полка, участвовал во всех боевых операциях. Позже все серьезные бои он подробно описал в «Воспоминаниях о Зюнгарском полку», впервые опубликованных в 1927 г. в журнале «Улан Залат». В ноябре 1920 г. вместе с Добровольческой армией в составе своей части С. Балыков эвакуировался в Крым. Здесь после очередного поражения вместе с остатками врангелевской армии он вынужденно покинул Россию и прибыл в Турцию, откуда и началась его скитальческая жизнь беженца и эмигранта, полная бесконечных мучений, лишений, требовавшая здоровья, воли и сил, чтобы выжить.

В 1926 г., по просьбе Бадмы Уланова, председателя Калмыцкой комиссии культурных работников в Чехословакии, С. Балыков перебрался в Прагу. Пражский период был самым плодотворным в жизни писателя. Имея большие организаторские способности, он занял видное место в общественно-политической и культурной жизни калмыцкой диаспоры, став одним из самых ярких и талантливых ее представителей. Консолидация вокруг вольноказачьего движения, желание вести дальнейшую совместную борьбу против большевиков привели С. Балыкова в организацию – «Вольное казачество». Ведя активную работу в соответствии с важными «самостийными» принципами и задачами (обретение национально-политических прав, демократическое конституционное правление и др.), а также с программой национального возрождения калмыцкого народа, С. Балыков создал национально-политическую организацию – «Хальмг Тангачин туг» («Знамя калмыцкого народа»), став ее генеральным секретарем. Творческой «трибуной» этой новой калмыцкой организации был журнал «Ковыльные волны».

Наряду с кипучей общественно-организационной деятельностью С. Балыков интенсивно занимался творчеством. Он был членом редколлегий, секретарем и постоянным авто-

ром сразу нескольких печатных изданий («Хонхо», «Ковыльные волны», «Улан Залат», казахских журналов «Вольное казачество», «Казакция», «Родимый край» и др.). Работы С. Балыкова, отличающиеся яркой публицистичностью, были посвящены самым различным темам и вызвали живой интерес у читателей.

Следует отметить, что биография и творческий путь С. Балыкова на сегодня до конца не выверены. Например, нет точных данных о жизни и деятельности калмыцкого писателя в конце 1930-х – начале 1940-х гг. Нет сомнения в том, что Санжи Балыков до конца своих дней продолжал много и напряженно работать. В 1943 г. состояние здоровья писателя резко ухудшилось. После очередного приступа астмы он занемог и слег. Днем 9 января 1943 г. С. Б. Балыкова не стало.

Как писатель С. Балыков состоялся в эмиграции, но писать начал еще в школьные годы. Урывками он занимался литературным творчеством и в период Гражданской войны. В жанровой палитре С. Балыкова имели место авторизованные переводы калмыцких легенд, сказаний, стихотворения, одна пьеса, рассказы и один роман – «Девичья честь» (1938), которое сам писатель назвал историко-бытовой повестью.

Художественное наследие калмыцкого писателя-эмигранта Санжи Балыкова имеет сложную судьбу. К сожалению, не все сочинения увидели свет при жизни автора. Подсчитать точное количество произведений пока не удастся, во-первых, из-за недоступности архива. Во-вторых, многие из них были утеряны при смене им места проживания, вынужденной эвакуации из страны в страну и т. п. В-третьих, многие из рассказов он издавал под разными псевдонимами. В-четвертых, несмотря на то, что большая часть рассказов С. Балыкова все же доходила до читательской аудитории, части одного сочинения выходили в самых различных изданиях, однако при этом ни автором, ни редакцией не отмечалось, к какому конкретно произведению относится та или иная публикуемая часть. Все это создает определенную путаницу и вызывает затруднение у исследователей.

С. Балыков одинаково хорошо писал как на русском, так и калмыцком языках. Это по-

лучалось у него легко, так как родным он владел в совершенстве. В творческом арсенале писателя обращение к народной сказке, легендам, преданиям, как уже отмечалось, предстает в виде переводов. Мышление писателя было двуязычным. Таковым, по сути, было и его целостное мироощущение, при этом идеи и образы рождались у него, скорее, через национальное сознание. Оставаясь в плену родной стихии, имея в качестве опоры национальную культуру, он даже в условиях чужбины со скрупулезной точностью воссоздает традиционный быт кочевого народа, его обычаи и духовную жизнь. Личностная национально-этническая ментальность автора выражается в образе мышления и поступках его героев, в выражении подлинной национальной психологии.

Так, в рассказе «Растоптанный тюльпан» уже самое начало произведения, повествование в котором ведется от первого лица, настраивает читателя на то, что сюжет, вероятно, будет строиться на строгой приверженности заветам предков, связанных с влиянием буддизма, и почитании их. Столкновение настоящей любви с соблюдением национальных обычаев – в центре конфликта рассказа. Арслан и Зандана, детство которых прошло в «безмятежной дружбе», искренне любят друг друга, однако по году своего рождения, согласно буддийскому циклическому календарю, возлюбленная Арслану не подошла. Заветная мечта обоих быть «друзьями жизни» рушится – вскоре девушку засватал Очир, имевший счастье родиться в год Собаки» [2, с. 74].

Сопоставление главных героев, психология, характеры которых автором созданы достоверно, выявляет разницу в их поведении. Так, Арслан – человек искренний, честный, открытый, воспитанный на обычаях своего народа. Однако любовь к Зандане вынуждает его до последнего сопротивляться – на протяжении трех лет он отстаивал свое счастье и свой выбор вопреки неблагоприятным «предсказаниям». И даже когда Зандана уже стала чужой женой, сила любви не раз подталкивала его к тому, чтобы перешагнуть через «волю свыше», через «скалу» традиций, но он понимал, что совершенно бессилен. Героиня, сохраняя целомудрие, отклоняет все

попытки Арслана повлиять на нее, считая, что их любовь не имеет право на существование.

Несмотря на настоящую любовь, для которой не существует преград, писатель, тем не менее, защищает национальную самобытность и традиционные ценности национально-го видения мира. Ему близка именно Зандана, а не Арслан. Именно поэтому Зандана, в отличие от Арслана, не поднимается над обстоятельствами, не борется с ними, а, напротив, покорно смиряется с выпавшей судьбой.

Таким образом, в фокусе авторского художественного внимания находится, прежде всего, исследование «изнутри» проблем народной жизни, национальной самобытности и традиционных ценностей национального видения мира. Герои Балыкова словно ощущают связь времен. Несмотря на настоящую любовь, для которой, казалось бы, не существует преград, они, почитая традиции и обычаи, покорно смиряются с выпавшей судьбой.

В рассказе «У незримой стены» стержневая проблема рассказа – снова теме любви, противопоставленная долгу подчинения заветам предков. Главные герои, девушка Оваджа и Аюш, принадлежат одной «кости», а значит, являются братом и сестрой: «Только скажите – какой вы кости?... Да-а-а?! Ведь мы тогда одной “кости”! Брат и сестра, значит!.. И бывает такая плохая доля!..» [2, с. 68]. Развязка сюжета наступает также неожиданно быстро. Оваджа предлагает Аюшу остаться вместе, но жить не как муж и жена, а как брат и сестра, помогая и поддерживая друг друга, ибо Бог, вероятно, и свел их для этого. Оба они остались сиротками, слабыми и беззащитными, да еще и с малышами на руках. Оваджа, так как она на год старше, будет старшей сестрой, он – младшим братом. По законам калмыков, если жених и невеста принадлежат одной «кости», то они – кровные родственники. Такие браки не допускались. Вот как этот факт интерпретирует сам Санжи Балыков: «У калмыков есть слово “ясн” (“кость”), устанавливающее далекое происхождение данного лица. В прошлом калмыцкий народ делился на множество племен, родов. Каждый имел свое название. Со временем эти роды и племена слились в один род, но их название осталось как указатель, к какому племени прежде принадлежали предки

данного калмыка. Первым словом при знакомстве является вопрос: “Какой кости?” Все люди, происходящие от одной “кости”, считаются кровными родственниками, и во избежание кровосмешения между людьми одной “кости” строго воспрещены браки» [1, с. 68]. Это «несоответствие» между женихом и невестой, которое проповедовало калмыцкое духовенство, исследователь У. Д. Душан называет «хараш» («препятствие, помеха»). Как указывается, «женитьба у калмыков считалась делом важным и относиться к ней необходимо было осторожно» [7, с. 27]. Во-первых, «...самое главное внимание, по учению духовенства, нужно обратить на лета. По их мнению, между летами жениха и невесты должен быть известный промежуток. <...> Сочетание этих промежутков в летах должно играть громадную роль в будущей жизни супругов. Так, могут быть сочетания, предвещающие только одно хорошее и благополучную жизнь им, и, наоборот, только одно плохое, неприятности и необыкновенные трудности в жизни и несчастья. <...> Большей частью разница в летах, предвещающая хорошее, бывает один, два года, восемь, двенадцать лет, три, пять, семь, десять и девять требуют некоторой поправки, которая производится духовенством посредством молитвы. После чтения этих молитв и устранения встретившихся препятствий сватание допускается» [7, с. 27].

Однако между женихом и невестой было и такое несоответствие, «которое ни под какие исправления не подходит» [7, с. 27]. Оно называлось, как указывает У. Д. Душан, «„цусн хараш“ – кровью несоответствующее. Результат его только один – смерть кого-нибудь из супругов, иначе не будет никакого успокоения в семье. Все время в такой семье должны быть несчастья, болезни, раздоры и прочее. Если такие лица были случайно женаты, то выходом из положения являлся развод» [6, с. 27].

Как знаток калмыцких традиций и обычаев, С. Балыкова понимал, что вся жизнь человека, по сути, зиждется на нормах духовного опыта, завещанного предками. Герои произведений не выходят за черту дозволенного, сохраняя уважение и почитание народных традиций, определяющих их поведение и поступ-

ки и предопределяющих, в конце концов, их судьбу. В произведении «Девичья честь» (1938) главный герой – Бадня Цагаков – видит преимущество культуры своего народа в чистоте нравов и высоких принципах общественной морали. Так, он считает, что нравственное кредо, на котором держится каждый этнос, это «честность, братское добросердечие, чистота семейного быта, гостеприимство, мягкосердечие к страждущему брату-человеку» [1, с. 21]. Осмысление указанного вопроса связано для главного героя и с понятием девичьей чести, утвердившимся в народных представлениях.

Согласно этическому кодексу калмыцкого народа, девушка, как будущая жена, должна была соблюдать «честь невесты». Это было залогом счастливой жизни супругов. Вот как Бадня, будучи еще школьником, объясняет непреложность данного морального постулата своему другу, Васе Гречанкину: «Честь девичья, честь невесты – это неопровержимый документ, что твоя жена порядочный человек. Здесь именно основа доверия мужа к жене, начало уважения, от доверия и уважения к любви один шаг... <...> Коренное психологическое явление, имеющее влияние на все последующие этапы жизни» [1, с. 21–22]. Как следует из содержания произведения, в будущем главный герой, руководствуясь именно этим принципом, выбрал себе в жены Зиндмю, а не Цеценю, в которую он был влюблен и готов был идти по жизни до конца. Умная, открытая Цеценя, умеющая расположить к себе людей, казалось, что только она всегда понимала, что творится в душе молодого человека и была готова поддержать его в трудный момент. Кроме того, она была его главным идейно-политическим соратником. Безоговорочная поддержка девушки, благородство общих устремлений всегда придавали ему силы. И, кажется, все сложилось бы благополучно, если бы не продуманный писателем драматический финал отношений Бадни и Цецени, придающий необычайную силу, весомость заявленной в повести проблеме и в некотором смысле представляющий собой ее кульминационный момент. Для Бадни стало потрясением открытие, что его невеста не являлась девственницей. Здесь писатель вновь демонстрирует читателю особенности наци-

онально-этнической психологии. Светлое и, казалось, сильное чувство героя внезапно угасло. Любовь отступила перед верностью нравственной норме, которая оказалась незыблемой для него.

Автор сочувствует обоим своим героям. По-своему был прав Бадня, не пожелавший связывать судьбу с женщиной, которая с самого начала его обманывала. Он уже никогда не поверил бы в ее порядочность, а значит, не смог уважать. Однако правда есть и на стороне Цецени. Еще ученицей она была изнасилована в Чепраке сыном квартирного хозяина. Боясь огласки и обвинений в свой адрес, Цеценя смолчала. О тайне девушки никто не знал. Разумеется, она не могла в этом признаться и Бадне, опасаясь его разочарования. Признаться Цеценя раньше, она никогда не услышала бы слов любви от него. Исключительное значение приобретает в этой небольшой сцене и образ автора. Не навязывая читателю своих выводов, писатель, который, по справедливому замечанию Р. А. Джабиновой, не использует в повести «самоанализа героев, внутренних монологов» [6, с. 235], тем не менее, активно вмешивается в сюжетное повествование, комментируя происходящее, подчеркивая свою связь с героями. С. Балыков психологически точно обрисовывает этот трагический момент в жизни Цецени, показывая в сочувственном свете ее страдания, унижение, растоптанное женское чувство: «Закрыв лицо ладонями, с приглушенными рыданием уткнулась в траву Цецени. Нежданный и негаданный случай, почти забытое несчастье мгновенно разрушило всю ее мечту, разорвало сотканное счастье. Было обидно от беспомощности, было горько от непоправимости положения» [1, с. 161].

По отношению к Цецене Бадня испытывал угрызения совести, ему было жалко ее, но решение разорвать отношения было окончательным. С. Балыков ни в коей мере не осуждает своего героя, напротив, он уважает его выбор, ибо то, с чем столкнулся Бадня, выходило за рамки традиционных норм, определявших взаимоотношения в калмыцкой семье. Конфликт героев смыкается с противопоставлением мировоззрения нового поколения со старыми семейно-родовыми установками. Кроме того, посредством моральной

проблемы осмысляются и социальные коллизии. Так, главный герой, разочарованный и удрученный, рассуждает о том, какие негативные изменения внесли обстоятельства, а именно цивилизация и вместе с ним новое сознание, в мироощущение калмычек, которые стали более раскрепощенными: «Эх, цивилизация!.. Много хорошего даешь ты, нельзя без тебя и под небом жить достойно, в темноте, в черном труде невыявленными гибнут одаренные сыны народа. Но зато ломаешь и уродуешь ты немало. Целомудреннейшие и скромнейшие наши девицы, а что делает цивилизация с ними. <...>» [1, с. 162].

По замыслу писателя, мысли и поведение героя несут в себе заряд нравственного народного идеала, что является своеобразным показателем его нравственной образцовости. Несколько снижая образ Цецени, которая изначально не понимала и не принимала мудрости и силы калмыцких обычаев, Балыков, всегда верный народным традициям, утверждает мысль о значении сохранения национального мира, отождествляя его с принятием высоких этических норм. Именно потому главный герой сделал выбор в пользу вековых традиций и строгих нравственных уроков, полученных еще в детстве в родной ему среде. Он решил жениться на Зиндме, которую, как ему стало уже казаться, он совсем незаслуженно обидел.

В центре рассказа «Сильнее власти», написанном в конце 1920 – в начале 1930-х гг., также оказываются этические категории. Как отмечает Б.А. Бичеев, сюжет произведения основан на конкретном событии, случившемся в Калмыцком ханстве, между Аюкой и его старшим сыном Чагдоржабом, едва не обернувшимся кровавой трагедией [4, с. 144]. Старый Бамбур, правитель целого улуса, состоятельный нойон, имеющий большую власть и влияние, хранитель обычаев, вдруг воспылил любовью к своей невестке, молоденькой семнадцатилетней Сяхинде. «Отеческие обязанности к невестке и сыну, старинные национальные традиции, крепкие степные обычаи – все попраля поздняя любовь» – сокрушается писатель [2, с. 13].

Вспыхнувшая страсть старого нойона выступает движущей силой конфликта, занимая все повествовательное пространство рассказа. В авторском сознании Сяхиндя является

ся воплощением национального типа женщины-калмычки, но, кроме этого, она настоящая хранительница национальных традиций и обычаев родного этноса. Именно силой своего характера она отстаивает их перед свекром. Ее образ полностью выкристаллизовывает нравственные позиции писателя. Нойон же как глава рода и семьи, улуса, следуя народному миропониманию, обязан был особенно рьяно следовать всем традициям. Однако мир для него словно лишен и нравственной, и логической, а, главное, социальной и национальной опоры. Герой перешел границы нравственных и национальных устоев. Основная коммуникативная цель автора сводится к тому, что неуважение к традициям и обычаям народа, игнорирование нравственно-этического кодекса и его осуждение – плохая примета, за которой может последовать большая трагедия и для каждого народа, и для всего человечества. Единичное может множиться, перерастая в отрицание всех ценностей, поддаваясь, словно «выворачиванию» наизнанку. Неслучайно свой рассказ Балыков заканчивает так: «В степи начинался великий раздор» [2, с. 14].

Таким образом, проблема сохранения и соблюдения традиций, обычаев предков – одна из главных в творчестве С. Балыкова. Его герои, как уже отмечалось, осознают свою связь с традиционной системой ценностей своего народа и сохраняют ее в любых, самых драматичных жизненных коллизиях. В своих произведениях писатель воссоздал национально-этнический мир во всей его многоплановости. С огромным воодушевлением он воспел красоту и мудрость национальных традиций, высокие принципы народной морали. Залог возрождения и процветания народа С. Балыков видел в национальном пробуждении, в верности заветам предков. Это чаяние воплощено писателем во всем его творчестве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балыков, С. Б. Девичья честь : Историко-бытовая повесть / С. Б. Балыков. – Элиста : Джангар, 1993. – 284 с.
2. Балыков, С. Б. Сильнее власти / С. Б. Балыков. – Подольск : Мемориал-музей «Донские казаки в борьбе с большевиками», 2014. – С. 131–137.

3. Барабаш, Ю. Я. Вступительные заметки / Ю. Я. Барабаш // Литературное зарубежье: проблема национальной идентичности. – М. : ИМЛИ РАН «Наследие», 2000. – Вып. I. – С. 3–7.

4. Бичеев, Б. А. Влияние письменных памятников и фольклора на развитие калмыцкой литературы (20–30 гг.). Глава III. Литературная деятельность калмыцкой эмиграции (20–30 гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Б. А. Бичеев. – М., 1991. – 23 с.

5. Джамбинова, Р. А. Судьбы первопроходцев / Р. А. Джамбинова // Роман и автор. Новые грани художественности (1960–1990е гг.) / Р. А. Джамбинова. – Элиста : Джангар, 1996. – С. 100–118.

6. Джамбинова, Р. А. Калмыцкая литература XX века : в 3 кн. / Р. А. Джамбинова. – Элиста, 2006. – Книга первая: Калмыцкая художественная проза XX века. – 272 с.

7. Душан, У. Д. Этнографический сборник / У. Д. Душан. – Элиста, 1976. – Вып. 1. – С. 5–88.

**THE PROBLEM OF PRESERVING NATIONAL TRADITIONS
IN THE WORKS OF KALMYK WRITER-EMIGRANT
S. BALYKOV**

Delgir Yurevna Topalova

Candidate of Sciences (Philology),
Researcher, Scientific Library of Alekseeva P.E., Archive,
KalmNC RAS
delya.top@yandex.ru
358000 Elista, Ilishkina St., 8

Abstract. The article considers the literary work of talented writer Sanji Balykov (1894–1943), who developed as a creative personality being in emigration. The restored legacy of the talented writer proves the possibility of preserving national identity in the environment of another nation. Despite the fact that all his works were written in emigration, they are distinguished by a deep national nature. Balykov's characters, despite social cataclysms and changes, remain inextricably linked to the national history, traditions and customs, moral principles of ancestors formed by centuries.

Key words: Kalmyk emigration, literature, S. Balykov's works, national identity, spiritual connection, memory, traditions.